

А. А. Дырдин
Ульяновск, Россия

СВОБОДА ВОЛИ КАК ЛЕЙТМОТИВ ПРОЗЫ М. А. ШОЛОХОВА

Аннотация. В статье рассматривается мотивный комплекс, связанный с лейтмотивом прозы М. А. Шолохова идеей свободы воли. Мотивная система Шолохова основана на образах, заимствованных из Св. Писания и переработанных писателем изнутри в созвучии с национально-православным идеалом. В ней мы наблюдаем объективизацию природно-космического взгляда на мир, обогащенного православной духовностью. В комплексе мотивов, которые соотносятся со сквозным мотивом свободы воли, у Шолохова проявлено душевно-духовно-телесное единство личности, опосредованное этническими, социально-культурными, природно-географическими факторами в их проекции на высшие ценности, задаваемые христианской традицией.

Ключевые слова: Проза М. Шолохова; мотив свободы воли; христианская традиция в произведениях писателя.

A. A. Dyrdin
Ulyanovsk, Russia

FREE WILL AS A LEADING MOTIVE IN PROSE M. A. SHOLOKHOV

Abstract. In article the motivny complex connected with a keynote of prose of M. A. Sholokhov idea of a free will is considered. Sholokhov's Motivny system is based on the images borrowed from St. The writing and processed by the writer from within in the accord with a national and orthodox ideal. In it we observe an objektivizatsiya of a natural and space view of the world, enriched with orthodox spirituality. In a complex of motives which correspond with through motive of a free will, at Sholokhov the sincere-spiritual-corporal unity of the personality mediated by ethnic, welfare, natural and geographical factors in their projection to the supreme values, set by Christian tradition is shown.

Keywords: M. A. Sholokhov's Prose, motive of a free will, Christian tradition in products of the writer.

Исследование мотивной организации произведений Шолохова в свете наиболее авторитетной дихотомической теории, говорящей о двух формах мотива – инвариантной и вариантной, равно как и в рамках других моделей и подходов, ведется эпизодично. В выявлении потенциала, семантики, философского содержания взаимодействующих сюжетных частей, которые составляют основу мотивики писателя, делаются первые шаги.

В художественных произведениях писателя обнаруживается единый духовный план, выраженный совокупностью ключевых мотивов, восходящих к христианским источникам. Рассказы, повести и романы Шолохова содержат эпизоды, отразившие трагические изменения социальных и индивидуальны основ жизни в условиях секуляризации общества. Однако сознание шолоховских героев, в которых объективировалось авторское понимание основного конфликта времени – борьбы в человеке плоти и духа – не стало безрелигиозным. Оно открыто воздействию национально-православного бытия, подвластно его прирожденным началам. Мотивы правдолюбия, выбора пути намечают здесь духовный план повествования. Синтез национально-самобытного и вселенского, всечеловеческого начал в русле православной традиции определяет своеобразие повествовательных мотивов Шолохова. Чаще всего мотивы, заимствованные из Библии, используются в качестве сюжетного элемента. Используя готовые словосочетания, он выстраивает многомерное пространство, в котором предстаёт духовно-ценностная картина мира.

Уже в ранних рассказах Шолохов в лаконичной форме ассимилирует мотивы *жертвы*, *братолюбия*, *братоубийства* (вариация ветхозаветного мотива

Каина), *милосердия*, *греха и раскаяния*. Эта мотивная линия сходится в кульминационных точках сюжета с мотивами *правды*, *свободы воли и судьбы*, развивающимися в последующих произведениях, т.е. образующими ряд ключевых шолоховских мотивов. Молодой автор выражает неудовлетворение бездумным и бесполезным насилием («Родинка», «Жеребенок», «Кривая стёжка»), ставит проблему нравственного выбора и совести («Чужая кровь», «Семейный человек»), милосердия («Продкомиссар», «Смертный враг»), распада семьи («Двухмужняя», «Червоточина»), жестокости законов гражданской войны («Шибалково семя», «Лазоревая степь», «Коловерть»), создает образ колокольного звона (впервые: «Пастух» – 1925), распятой земли, использует библейский мотив *ветра* («Растраивающий дом свой получит в удел ветер» – Притч. 11, 29), как стихии, очищающей душу человека («Ветер»¹). Мотивы греха и покаяния постоянно оказываются в центре сюжета, соединяясь с идеями добра и зла, мотивом странствования – инвариант мотива блудного сына, неприкаянности, сиротства. За ними видится испытание героя, его жизненный путь (см. мотив-заглавие первой повести «Путь-дороженька» – 1925).

В статье мы обратимся к одному из лейтмотивов шолоховского творчества, имеющему непосредственную связь с православно-христианским мировоззрением – *свободе воли*.

Л. Аннинский в статье, посвященной судьбе казачества, пишет: «...казачество явление пронзительно русское. И не по этносо составу прежде всего. А по роли именно в русской истории. По тому,

¹ См.: Шолохов М. Ветер // Молодой ленинец. 1927. 4 июня. С. 5.

сколь много они выразили, выявили, довели до последней ясности в русской драме.

Вы не можете соединить нагайку с пикой, не можете понять, как воинская вольница и непокорный нрав сочетаются в характере казака с державной волей и защитой порядка? – задается вопросом критик. – А как обе эти *воли* (курсив автора. – А. Д.) сочетаются во всяком русском человеке: волюшка в гульбе и державная воля власти?» [Аннинский 2009: 155].

Органической связью с Доном, с донской природой, а через нее – со всей русской землей, определяется экспрессия мысли Шолохова, «внутренняя форма» его прозы. В своих мотивно-тематических слагаемых она скреплена с архетипической сущностью казака – воина и земледельца, с национально-психологическим типом русского человека. Стихия народного мира, русского слова, донского диалекта в их связи с интуитивным постижением красоты и истины, представлениями о добре и зле, воплотилась как в формальном, так и в содержательном планах текста. По наблюдению М. М. Корякова, Шолохов «показывает глубокую и таинственную в своей первооснове сращенность всей народной жизни». Приведённые слова относятся к показу гражданской войны не через противостояние белых и красных, а в соотношении христианско-онтологических по генезису мотивов *добра* и *зла*, *света* и *тьмы*, в равной мере сопровождающих, как изображение большевиков, так и их антиподов. «Без понимания этого не может быть ликвидирован раскол в русском народе, не может быть достигнуто национальное единство» [Коряков 2003: 118–119], – заключает публицист, один из авторов, представляющих восприятие шолоховского творчества в критике русского зарубежья.

Поэтическая реальность, созданная художником, представлена в национально-исторической значимости, в образах, созревающих в сознании народа. Синтез национально-самобытного и вселенского, всечеловеческого начал в русле православной традиции определяет своеобразие повествовательных мотивов Шолохова. Мотивная система его прозы слагается на пересечении универсально-христианского и конкретно-национального уровней смысла событий и характеров, картин природы и быта, в органической связи их духовных и материальных свойств.

В мире Шолохова православно-христианские мотивы выступили в конструктивной функции воплощения творческого сознания писателя, его собственных представлений о русском национальном характере, о путях преображения человека. События *самопреображения* личности в координатах её внутренней и внешней жизни, действия традиционных добродетелей высвечены у Шолохова с помощью синтагматически близких мотивов, активно функционирующих в его сюжетах. В их основе – движение героев к *правде-истине*, преодоление зла усилием *мужественной воли*. Смысловая структура этих образов-мотивов сохранена во всех его произведениях. Возникает целый ряд мотивов, взаимопересекающихся, накладывающихся друг на друга:

казацья вольность, мужественная сила воли, воля к правде, поиски правды и истины.

Решающий шаг на путях познания сложной и противоречивой структуры человеческой личности Шолохов сделал в своём романе-эпопее. Его стремление раскрыть народную душу и приблизиться к пониманию истинной правды приводит к включению в текст народно-религиозного материала. «Лик Богоматери двухстрочная надпись-обращение ко всем живым на часовне у могилы Валета: «В годину смуты и разврата / Не осудите братья брата»² – указывает на то, что мотив «блаженства нищих духом» (Мф. 5, 3), христианская идея приятия смерти и смертности человека, повторяясь в произведениях Шолохова, помогает автору обобщать, символизировать события [См. об этом: Дырдин 2009: 62].

Комплекс мотивов, воплощающих моральные христианские ценности, сопровождает события и судьбы героев уже в первых книгах «Тихого Дона». Мотивы, воплощающие представление о свободе и воле, вводятся в сюжет в качестве духовно-нравственного и сюжетного параллелизма к ситуациям и событиям жизни казачества и русского народа в целом.

«Тихий Дон» – главная книга Шолохова, содержащая разветвленную систему христианских мотивов. Восстановление семантического ядра гипермотива *свободы воли* происходит путем собирания его составляющих: мотивов *греха* и *покаяния*, *судьбы* и *жизни/смерти*. Они становятся повторяющимися сюжетно-композиционными элементами, дробясь и включая в единое движение мотивы *небесной кары*, *Страшного суда*, которые, в свою очередь, обрастают мотивами природно-пространственными, предметными, витальными, родства с животным и растительным миром (*Дон, степь, солнце, небо, земля, конь, волк, книга, казацья шашка, стремя* и т.д.), и психологическими (мотив *возрождения к жизни, духовного прозрения*). В качестве центральных осей сюжетного действия в романе выступают образы Св. Писания, трансформированные в своих значениях христианские мотивы-символы («черное солнце»), мотивы-ситуации, (возвращение в финале книги Григория Мелехова к родному порогу как вариация евангельского мотива блудного сына), мотив Каина (первоначально – мотив-именование в «Червоточине» – 1926), Лазаря (сравнение Григория Мелехова с восставшим Лазарем: «очухался и с тем пошёл» (III, 59), мотивы-персонажи библейской истории (Давид и Голиаф), пророк Илья в своей колеснице (III, 10), сведенный к одному из значений – быстрой езде, а также мотив-персонаж народного духовного стиха об Анике-воине (VI, 253) в основании которого лежит средневековая повесть «Прение Живота и Смерти»). В образе Натальи угадывается мотив приземленного отношения к жизни и жертвенной, беззаветной жен-

² Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. – М., 1985. С. 351. Далее произведения Шолохова цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

ской судьбы (Марфы, вдовы из Сарепты – III кн. Цар. 17, 8–24).

Фундаментальным мотивом творчества Шолохова стал мотив *пути*, функционирующий в едином мотивном комплексе вместе с мотивами *судьбы человека*, обретения подлинной *свободы воли*, осмысленный автором не столько в философском, экзистенциальном аспекте (мотив выбора личного пути), сколько в духовном. Это не столько поэтическая метафора или культурная мифологема, сколько понятие, связанное с восточно-христианским учением о земной жизни человека, руководимой Промыслом. Герои Шолохова побеждают нравственные болезни в движении в высь, волевым устремлением. Художник усиливает этическое звучание мотива. В своем творчестве писатель осуществил заветную народную идею обретения правды в её трансцендентной, инобытийной завершенности. «Великая правда “Тихого Дона” (сам Шолохов говорил, что вся его цель – “большая человеческая правда”) – правда, роднящая его с гомеровскими и шекспировскими творениями, заключается в том, что в его героях, если мерить их вековыми, или, вернее, “вечными” понятиями, постоянно и поистине смертельно борются Божеское и сатанинское, дьявольское...», – отмечал В. В. Кожин [Кожин 2002: 146]. Семантическое поле «правды» включает социальный и религиозный контекст, в котором она сближена с понятиями *истины* и *благодати*. «Правда» и «истина» в русской языковой картине перешли из разряда слов, характеризующих повседневный мир (правда как суд и закон, истина как знание о сущем) в разряд слов, посредством которых стали говорить о духовной реальности герои древнерусской литературы и классики XIX века. У Шолохова мотив *правды* (в связке правды народной и правды личной) формируется во взаимодействии с другими мотивами, усложняющими и развивающими его семантику: *путь*, *судьба*, *судный день*, *крест*, *свет*, *сердце*.

С мотивом *воли к правде* критика связывает духовные поиски Григория Мелехова. По словам П. В. Палиевского, главная «линия его (Григория, – А. Д.) характера – искание правды» [Палиевский 1979: 276]. В душе героя постоянно конфликтуют духовное с чувственным. Григорий, подчиняясь злой воле, «опалённый слепой ненавистью» к красным, захватившим казачьи земли, отстраняется от Правды, которая была дана ему изначально: «Одной правды нету в жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрет...» (III, 138). Как следствие – преступление законов правды. Автор мотивирует безрассудные поступки героя смещением психики в область бессознательного, тем, что, «инстинкт властно и неделимо вступал в управление его волей» (Там же, 198). Абсолютной правде противопоставлена субъективная правда, поскольку ее смысл релятивизируется, сводится героем к собственному взгляду на правду. «Жизнь оказалась усмешливой, мудро-простой. Теперь ему уже казалось, что извечно не было в ней такой правды, под крылом которой мог бы посогреться всякий, и, до края озлобленный, он думал: у каждого своя правда, своя борозда» (Там же, 168).

Герой «Тихого Дона» уходит от правды, направленной к его *воле* и *сердцу*, за что в дальнейшем будет осужден внутренним судом – пробудившейся совестью. Неслучайно началом прозрения стал разговор с Гришакой, для которого, как для носителя народного сознания, правда означает Суд Божий. «По Божьему указанию всё вершится» (III, 252), – так озвучивает старый казак идею правды как Царствия Небесного. Григорий, одолевая противоречия в сознании, начинает принимать духовно выпрямляющую силу правды: «Неправильный у жизни ход, и, может я в этом виноватый...» (Там же, 255). Вот почему он ищет правды, а в финале романа так неотступно пытается обрести связь с ней. Мотив правды структурирует сюжет «Тихого Дона», поглощает разнообразные смыслы *правды* и *истины*, помещенные в народно-религиозный контекстный ряд. Правда артикулируется автором как справедливость, истина, лежащая в основе миропорядка и требующая от личности проявления воли, – т.е. Суд Божий. Правда должна открывать цель бытия, понимаемую как недостижимое в земной жизни. Поэтому Мелехов и др. центральные персонажи Шолохова (лейтенант Герасимов в «Науке ненависти», Андрей Соколов в «Судьбе человека») наделены такой интенсивной *волей к правде*. Смысл истины для них сливается с представлением о духовной силе, способной преодолеть тьму, вывести к *высшей правде*, достижимой в соборно-личностном переживании бытия на грани жизни и смерти. С точки зрения Б. Ширяева, сам Шолохов обладал «подсознательной *волей к правде* истинного художника-писателя», глубинным смыслом и энергией образов протестуя в «Поднятой целине» против социалистической доктрины, претендующей на роль верховной правды [Ширяев 2003: 123].

Выступая у Шолохова в самых разных вариантах и конфигурациях: фольклорных, повседневных-бытовых, в форме притчи и пророчества – этот мотив осуществился как отражение высшей Правды и Духа. В этом смысле, *жить по правде* – значит отвечать за другого, за всех людей («я несу за вас *крестную* (курсив мой, – А. Д.) ответственность», – обращается Григорий к повстанцам – III, 196). Шолохов с помощью ведущего значения инварианта и новых смыслов актуализирует смысл магистрального мотива, организующего идейно-образное пространство эпопеи – мотива *свободы человеческой воли*.

Мотив *свободы воли*, повторяясь каждый раз в новом смысловом значении, складывается у Шолохова из второстепенных мотивов: мотивов-поступков, мотивов-персонажей, микромотивов живого и мертвого природного вещества: «мир в его сокровенном звучании», в «изобилии жизнеотворяющих сил». Безответно подчиняется Божьей воле дед Гришака: «Яко... не своею си благодатию ... но волю Бога нашего придох...» (III, 365). Шолохов отразил здесь народную точку зрения, опирающуюся на Св. Писание. Христианский мотив (точнее – целый сгусток мотивов), который является основой смыслового сюжета романа, выступает в функции повествовательной модели, восходящей к архетипи-

ческому противостоянию добра и зла, Божеского и Дьявольского. В цепи событий и поступков Григория Мелехова – приливов и отливов веры в смысл жизни, усилий воли к пониманию нравственной правды – мы видим ассимиляцию одной из составляющих христианского учения о человеке. Это сила собранного в себе внутреннего чувства, воплотившаяся в понятии свободы твари или – на философском языке – свободой человеческой воли. Включение вместе со свободой воли таких слагаемых этого мотива как *воля, свобода и воленость* в число ведущих в системе художественного языка Шолохова представляется закономерным. Страстную силу воли называет Н. О. Лосский, русский религиозный философ, автор книги «Свобода воли» (1925), в ряду основных качеств национального характера. «Своеобразное проявлением волевой силы русского народа мы находим в казачестве с характерной для казаков лихостью и молодечеством» (Лосский 1991: 264) – так он формулирует свою идею могучей силы, волевой энергии народа, приводя исторические примеры (Аввакум, Петр I, старобрядцы).

Другой русский религиозный философ – В. В. Зеньковский, рассуждая о свободе как основной силе человеческого духа, пишет: «Это есть функция нашей свободы, субъектом которой и является наше “я” (в его глубине). Дар свободы сообщает нашему “я”, нашему духу эту способность *выбирать* между добром и злом, и мы только в той мере ответственны за наши поступки, в какой мы свободны» [Зеньковский 2010: 274]. Дальше он говорит о недостаточности моральной свободы без ее связи с благодатью, с *благодатной помощью свыше* (курсив В. В. Зеньковского, – А. Д.).

Интересны размышления Е. Н. Трубецкого, совпадающие в своем содержании с понятием свободы воли в христианской философии. Свобода твари – это самоопределение «за или против Бога, возможность выбора между жизнью и смертью», – поясняет отечественный философ и публицист, автор знаменитой статьи «Умозрение в красках». Т.е., по его мысли, условием отношений человека с Всевышним является «*возможность самоопределения с обеих сторон*», стало быть, и *возможность выбора* со стороны человека. – Человек не мог бы быть действительным, свободным участником добра, если он не был способен *выбрать* между добром и злом. Возможность самоопределения к добру необходимо предполагает и свое противоположное – *возможность самоопределения ко злу*» [Трубецкой 1994: 82–83]. В этой *свободе* твари видится смысл конфликтов эпохи войн и разрушений, воссозданной Шолоховым в «Тихом Доне» и в других произведениях. Злодеяниям, греховным помыслам и порокам в его прозе противостоят начала, определяющие земное предназначение человека в русском национально-православном мировоззрении: добро, стремление к справедливости и истине. Мотив пути, дополнен семантикой странствования в поисках правды. Пересекаясь с близким ему мотивом испытания (от очерка-зарисовки 1923 г. «Испытание» – до «Судьбы человека» и последнего незавершенного романа

«Они сражались за родину»), осложняется идеей духовного преображения.

Весь рассматриваемый мотивный комплекс, связан с онтологической идеей «свободы человеческой воли», восходящей к архетипу свободы, и является его трансформацией. Варианты и вариации этого мотива рассыпаны по тексту «Тихого Дона» и последующих произведений Шолохова, поэтому его можно отнести к ряду ключевых мотивов, центральных идей шолоховской художественной антропологии.

В критике до сих пор звучат неоднозначные, противоречивые суждения о свойствах и источниках образных решений Шолохова. Не раз подчеркивалось, что писатель равнодушен к религиозной стороне жизни, сосредоточен лишь на социально-психологическом смысле поступков и действий персонажей. Этому способствует, на наш взгляд, поверхностное истолкование мотивов-событий и мотивов-характеров, составляющих внутренний контекст его повествовательной системы.

С точки зрения Н. Ю. Желтовой, духовно-эстетическое содержание эпопеи-трагедии Шолохова выражается «в оригинальном комплексе национальных культурных концептов: мать сыра земля, поле, простор, даль, воля, удаль, правда, тоска, дорога, песня». Парадоксальным образом автор статьи отрешивается от понятий свободы и воли, «поскольку “казацкая свобода” – лингвистический и духовный нонсенс»: реализация этих ценностей «может быть осуществлена только в коллективе». «Аксиология свободы – по её замечанию – не принимается и не понимается внутренним нравственным законом Григория». «Мелехов ограничен в ценностях воли» [Желтова, 2005: 22], – пишет Н. Ю. Желтова, толкуя слова героя («Воли больше не надо, а то на улицах будут друг дружку резать» – III, 136), «как народное представление о воле и свободе», которое, якобы, связано «со слабостью, индивидуалистической отторгнутостью, самовольничеством и самоуправством» (Там же). По сути здесь повторены идеи сторонников концепции отщепенства Григория Мелехова, давным-давно признанная несостоятельной.

Эстетический и символический потенциал мотива *свободы воли* реализуется писателем в устойчивой смысловой соотнесенности с героями, их действиями и внутренним миром. Григорий Мелехов – именно тот герой, поступки и мысли которого раскрывают семантику мотивного комплекса испытания судьбы человека войной и любовью, образующего сюжет «Тихого Дона». Роковым образом он оказывается причастным к смерти множества людей. Отношение Мелехова к смерти даёт ключ к истолкованию этого мотива в евангельском духе. У автора романа-эпопеи смертное событие изображается в сочетании с другими онтологическими ситуациями. Шолохов сводит в единый узел идеи рождения, смерти, возрождения. Вот почему следует говорить об использовании писателем в своих текстах, в частности, в «Тихом Доне», многомерного образа-связки «умирания-возрождения», посредством которого автор испытывает героев на человек-

ность, на способность сохранять ценности жизнестроения. Проявляется этот двойной мотив в стремлении «видеть небо», уйти от суетного, конечного мира в высь, к бесконечному. Так мотивируется неугасимое движение души героя к свету, к истинной свободе-воле.

Мотивный комплекс героя может содержать несколько компонентов. Так в характере главного героя эпопеи, который создаётся как контрастный облик святого, проявлены мотивы детскости («простодушная, детская улыбка» Григория. – IV, 208), чуткости к природному миру, а вместе с ними – импульсивность, вспыльчивость, склонность к резкой перемене чувств.

Не менее близки христианской культуре хронотопические мотивы романа-эпопеи. Один из них – «заставочный» мотив «Тихого Дона»: «Мелеховский двор – на самом краю хутора. Воротца <...> ведут на север <...> » На восток лежит Гетманский шлях, а с юга – «меловая хребтина горы» (I, 13) Местоположение мелеховского «родового гнезда» – в центре перекрёстных линий, образующих крест, который символизирует схождение в одной точке добра и зла, жизни и смерти. Мотив-экспозиция как бы предуготовляет судьбу мелеховской семьи, образуя семантическое поле, инвариантную схему, включающую в себя целый ряд мотивов.

Мотивы-хронотопы выступают в сюжетобразующей функции, наслаиваются друг на друга. Между ними устанавливается смысловая связь. В этой парадигме возникает сквозной образ-мотив, который объединяет два уровня художественно-эстетической реальности – повествовательную форму (нижний уровень) и картину жизни (верхний уровень). Все парадигматические мотивы сходятся в главном мотиве – реки жизни. «Река у Шолохова, – замечает автор диссертации о формах авторского сознания в «Тихом Доне», – символ движения времени, бесконечность бытия, состоящего из многих конечных судеб, вливающих в одну – судьбу страны и мира» [Приходченко 2008: 112]. Тихий, вольный, гордый, полноводный Дон-кормилец – это и слава казачья, и указание на непреложность земных законов, и само человеческое бытие. Магистральный пространственный мотив Шолохова обогащён религиозными смыслами. Вода в символике христианства связана с непрерывным движением: «А над хутором шли дни, сплетаясь ночами, текли недели, позли месяцы, дул ветер, на погоду гудела гора, и, застекленный осенней прозрачно-зеленой лазурью, равнодушно шёл к морю Дон» (I, 121). Она ассоциируется с рождением, олицетворяет крещение, очищение, воскрешение человека, является символом смирения. Вянет и другой смысл мотива: Дон – онтологическая граница, отъединяющая и соединяющая, оберегающая и принимающая тех, кто бежит от греха, ищет спасения в смерти. Шолохов использует множество значений архетипического образа, дублируя смыслы возрождения природы и человека, собранные автором в описании красоты земли и неба («в глубочайшем провале иссиня-черного неба как в Дону на перекате, будто показалось дно: предрассветная

дымчатая лазурь в зените, гаснущая звёздная россыпь по краям» (III, 120).

Н. В. Корниенко, детально рассматривая роль цитат из Св. Писания в шолоховском романе, определяет ее следующим образом: «Библейский текст в романном пространстве “Тихого Дона” выступает не как архаический, а как идеальный, задающий иерархические отношения между реальным сознанием и истиной-правдой, которая не отдается Шолоховым ни одному из героев-идеологов» [Корниенко 2005: 52].

Мотивная система Шолохова основана на образах, заимствованных из Св. Писания и переработанных писателем изнутри – в созвучии с национально-православным идеалом. В ней мы наблюдаем объективизацию природно-космического взгляда на мир, обогащенного православной духовностью. В комплексе христианских мотивов, связанных со сквозным мотивом *свободы воли*, у Шолохова проявлено душевно-духовно-телесное единство личности, опосредованное этническими, социально-культурными, природно-географическими факторами в их проекции на высшие ценности, задаваемые христианской традицией. Мотивную структуру прозы Шолохова организует лейтмотив *свобода воли*. Он индуцирует новые смыслы, или по М. Гаспарову, может образовывать ассоциативный ряд, «машину», «которая начинает работать, генерируя связи, не только отсутствовавшие в первоначальном замысле, но эксплицитно, на поверхности сознания, быть может, вообще не осознанные автором» [Гаспаров 1993: 32].

ЛИТЕРАТУРА

- Анинский Л. А.* Меч мудрости, или русский плюс... // Л. А. Анинский. – М.: Алгоритм, 2009. – 336 с.
- Гаспаров Б. М.* Из наблюдений над мотививной структурой «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. – М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература». 1993. – 304 с.
- Дырдин А. А.* Этюды о Шолохове. – М.: Фонд «Шолоховская энциклопедия», 2009. – 139 с.: ил.
- Желтова Н. Ю.* Характер Григория Мелехова в парадигматике национальной аксиологии воли и свободы // Вестник ТГУ. – Вып. 2 (38). – 2005. – С. 20–22.
- Зеньковский В. В.* Апологетика. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. – 528 с.
- Кожин В. В.* «Тихий Дон» М. А. Шолохова // Кожин В. В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 512 с.
- Корниенко Н. В.* «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 531 с.
- Коряков М. М.* Две темы (из дневника публициста) // Шолохов и русское зарубежье. – М.: Алгоритм, 2003. С. 115–119.
- Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
- Палиевский П. В.* Литература и теория. – М.: Сов. Россия, 1979. – 288 с.
- Приходченко П. И.* Формы выражения авторского сознания в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. канд. филол. наук. – Арзамас, 2008.
- Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. – М.: Республика, 1994. – 432 с.

Ширяев Б. Воля к правде // Шолохов и русское зарубежье. – М.: Алгоритм, 2003. С. 120–126.

Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1985–1986.

Данные об авторе:

Александр Александрович Дырдин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии, издательского дела и редактирования Ульяновского государственного технического университета (Ульяновск).

Адрес: 432027, Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.

E-mail: dyrd@mail.ru

About the author:

Alexander Alexandrovich Dyrdin is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philologies, Publishing and Editing of the Ulyanovsk state Technical University (Ulyanovsk).